

Арто Луукканен

Советское государство и церковь: история и наследие

1. Потерянные возможности?

Известный западный историк Вальтер Коларц, который много лет посвятил изучению взаимодействия между советским коммунизмом и религией, однажды размышлял над возможностью идеологического "модуса вивенди" между религией и марксизмом-ленинизмом. Он высказал предположение, что в будущем советская система верований будет пересмотрена. Коларц верил, что российские коммунистические лидеры изменят свое отношение к религии (1).

И в самом деле, русская история предоставляет много возможностей для спекуляции. Мы можем с большой достоверностью утверждать, что предполагаемый советский гражданский мир с религией и национализмом мог бы изменить ход истории. Например, мы можем также размышлять над тем, пришла ли бы советская система в упадок, если бы продлилась политика НЭПа или Сталин был бы отстранен от власти? Могла ли система советского тоталитаризма обновить саму себя? Или: в случае падения Сталина и продления НЭПа, смог бы большевистский режим терпеть конкурирующее мировоззрение мировой общественности, активную политическую оппозицию, национальные меньшинства, а особенно вызов, бросаемый "другими" религиями? Более того, был ли способен "Иегова" большевизма терпеть любую другую правду, отличную от его собственной? Или доктрина нетерпимости и слепой приверженности догматам была неотъемлемой частью большевизма?

Но мы знаем, что случилось в действительности. Действительность оказалась отличной от того, что предсказывал Коларц, и советский правящий режим был слишком отравлен властью, чтобы изменить себя. По вполне понятным причинам Коларц не мог видеть, что носители ленинской идеологии оказались не способны отменить свои доктрины. Даже М.С.Горбачев всегда оставался преданным коммунистом. Мы, западные историки, кажется, забываем, что, несмотря на красноречивые разговоры Горбачева о перестройке, он не хотел ни на йоту уступать своим принципам. В тех же случаях, когда он пытался примириться с русской православной церковью (РПЦ) и другими религиями, он это делал, чтобы получить какое-то содействие своим собственным политическим целям.

Действительно, во время правления Горбачева с ходом либеральных реформ, казалось, улучшились взаимоотношения между коммунистическим государством и религиозными организациями. Однако перестройка и "демократические" реформы оказались только краткой интерлюдией. Они просто составили период, подобный периоду власти Керенского в Февральской революции 1917 года, ясно продемонстрировав, что невозможно реально реформировать коммунистическое тоталитарное государство, не потрясая основ коммунистической автократии.

Под конец правящий режим стал слишком "ленив", чтобы сделать попытку видоизменить свою идеологию. Возможно, это и было причиной быстрого крушения коммунизма в "стиле Горбачева". Коммунистические лидеры были не в состоянии обновить идеологию. И в то же время номенклатура вместе с простыми людьми теряла свою веру в коммунизм. Этот процесс ослабления идеологии показал, что советский тип коммунизма, вероятно, требовал особого рода наивной веры в то, что возможно создать Нового Человека, Хомо Советикуса. Когда в умах советских лидеров разрушилась эта система веры, стало очевидным, что Советский Союз не просуществует долго. Показательно, что последний наследник ленинской империи - Горбачев остался позади неудачного "переворота" в

августе 1991 г., озабоченный тем, чтобы видеть себя скандинавским социал-демократом - он моделировал себя как нового Олафа Пальме России.

2. Современная ситуация

В современной ситуации старые традиционные вероисповедания возрождаются из пепла советской системы. В общем, мы можем утверждать, что РПЦ сейчас сильнее, чем когда-либо, и пользуется общим уважением среди русских. Представители русской демократии, бывшие коммунисты, "путчисты" и фашисты - все доброжелательно относятся к национальной церкви русских. Несомненно РПЦ играет решающую роль в этом процессе возможной политической стабилизации в России. Церковь и религия вместе могут сыграть основную роль в качестве стабилизаторов в развивающемся русском гражданском обществе.

Однако до сих пор присутствуют тени советской эпохи: русская православная церковь страдает от груза "болезней" тоталитаризма. Известно, что РПЦ опозорена "сотрудничеством" с бывшим КГБ. Кроме того, церковь патологически боится всех реформ; она, кажется, боится установить новые взаимоотношения со своим собственным народом.

3. История и наследие

Резюмируя развитие советской религиозной политики, мы видим, каким образом повлияли на него два фактора, конкурирующие между собой. С одной стороны идеологическая конфронтация между марксизмом и религией, а с другой историческое прошлое большевистской партии сделали взаимоотношения между религиозными организациями и советскими руководителями более напряженными.

Тем не менее общая политическая ситуация и внезапные повороты политической борьбы в правящей партии имели большое влияние в этой области. Когда коммунистический режим находился в конфронтации с политической реальностью, он был способен отодвинуть идеологию и исторические антипатии в сторону.

Во время гражданской войны основной целью религиозной политики большевиков был принцип "изоляции церкви". Во время первых послевоенных лет большевистская религиозная политика качалась из стороны в сторону - едва ли существовала какая-либо координация по этим вопросам между различными государственными и партийными органами. Оправдание "политики изоляции" церкви было почти идентично идеологии раннего периода советской политики по национальному вопросу. После революции большевики использовали национальные чувства как средство, чтобы установить власть в восточных регионах государства и даже распространить советскую систему на Восток. Соответственно евреи и мусульмане на Советском Востоке получили от местных коммунистов возможности, поощряющие их религиозную жизнь (2).

После принятия политики НЭПа в 1921 г. у советского руководства стало больше времени, чтобы сконцентрироваться на своих внутренних врагах, таких, как остатки политической оппозиции: революционеры-социалисты и меньшевики (и те, и другие почти прекратили функционировать как партии), а также РПЦ. В результате такой политической ситуации "религиозный НЭП" был отсрочен почти на два года. В период раннего НЭПа (1921-1923) в основном Л.Д. Троцкий отвечал за осуществление советской религиозной политики, и при его руководстве режим от "политики изоляции" перешел к принципу "разделяй и властвуй".

В годы "высокого НЭПа" религиозные организации и сектантские движения (3) смогли ненадолго вздохнуть. Правящий режим искал также примирения с католиками, а либеральная национальная политика в 1924-1927 годы демонстрирует то, что КПСС

искала временного гражданского мира. Период "свободного дыхания" в любом случае был очень непродолжителен. Открытый протест некоторых ревностных коммунистов, таких как М.М. Костеловская, и религиозная дискуссия 1929 года явно свидетельствует об этом. В это же время "высокий НЭП" достиг своего апогея на XV съезде партии в 1927 году.

Сталин окончательно победил в борьбе за верховное лидерство в 1929 г. и установил свой личный культ, доминирующий над культом Ленина. Используя в партии пыл молодого поколения, Сталин смог повернуть борьбу за власть в свою пользу. Комсомольцы с готовностью рассуждали о желательности новой гражданской войны, а сталинское руководство смогло использовать эту накопленную разрушительную силу. В список врагов этой гражданской войны были включены также и религиозные организации. Впоследствии умеренное крыло правящего режима заставили замолчать, а сталинская культурная революция завершилась триумфом после 1929г.

Во время Культурной революции антирелигиозная борьба намного усилилась. В религиозной политике умеренные "культураллисты" пытались подчеркнуть важность мирной антирелигиозной политики, но время было на стороне жестких "интервенционистов", которые предпочитали применять более решительные меры против религии. На практике же более ранние комиссии были ликвидированы и их полномочия были переданы новым "Культовым комиссиям" под руководством Президиума ВЦИК. Новой сталинской администрации стало проще контролировать советскую религиозную политику.

Культурная революция и установление сталинской диктатуры было только предлогом к Великому террору 1930-х годов, когда все русское общество страдало от воли организованного государственного насилия. Не только РПЦ и другие религиозные организации, но также и участники правящего режима должны были стать жертвами сталинского террора. Тем не менее, к концу 1930-х стало очевидным, что террор против РПЦ постепенно ослабевал; в то же время Сталин стал делать акцент на национальных ценностях и важности русского прошлого. Логическим результатом этого стало неформальное соглашение, достигнутое в 1943 г., в разгар войны с нацистской Германией. РПЦ снова смогла достичь в советской системе полуполюгального положения.

В период Хрущева гражданский мир не продлился. В этом заключался парадокс постсталинизма. С одной стороны, Хрущев хотел разрушить сталинскую систему и подчеркивал, что этого можно добиться, вернувшись к первоначальному ленинизму. В 1961 году Третья программа КПСС провозгласила, что советская система обгонит капитализм к 1980-м годам и сделает скачок к победе коммунизма. Поэтому КПСС хотела усилить борьбу против пережитков старого капиталистического общества, т.е. религии. Позднее, во времена Брежнева, организованное преследование религии видоизменилось, но отношения с религиозными организациями оставались травмирующими (4).

Под конец короткого периода перестройки советская законодательная система стала реагировать на политические реформы Горбачева и последний советский парламент издал закон о религии (1990), который гарантировал подлинную религиозную свободу. Это было своего рода отменой "декрета о сепарации". Впервые за советскую историю закон утверждал, что государство не будет поддерживать ни религиозную, ни атеистическую пропаганду.

4. Опасность и перспективы

Прежде всего посткоммунистическая православная церковь несет на себе следы сотрудничества с советской системой. Историческая параллель между 1917 г. и современной ситуацией удивительно знакома. До Октябрьской революции РПЦ была не способна действовать независимо, она была прикована к имперской прогнившей системе.

В современной ситуации члены Святейшего Синода до сих пор сохраняли молчание о своей деятельности в советское время. Те же лидеры, которые восхваляли советскую систему, сейчас несут ответственность за руководство РПЦ. Они не смогли открыть настоящую дискуссию о тайных скелетах прошлого; члены Святейшего Синода и сам Патриарх не смогли предложить никакого, заслуживающего доверия, объяснения своему прошлому. Почему они удержались в своих учреждениях, в то время как государство преследовало верующих?

В соответствии с так называемым "докладом Фурова" (5), все духовенство было обязано сотрудничать с чиновниками. В соответствии с некоторыми утверждениями, все важные представители духовенства (Патриарх и Синод) активно сотрудничали с КГБ и даже имели свои псевдонимы. Диссидентов, которые протестовали против этого порядка, таких как Глеб Якунин, подвергали гонениям в советское время и, что удивительно, они также страдают от преследований сегодня. В конце 1994 г. Святейший Синод резко осудил Якунина за его политическую деятельность в качестве члена парламента. Этот акт нарушает православный канонический порядок и практику.

Во-вторых, РПЦ патологически боится вводить какие-либо настоящие реформы. Трудно увидеть разумность в том, что ныне действующий Синод не проводит реформы литургии (например, не проводит литургию на русском языке). Таким образом, церковь оказывается неспособной установить тесные связи с населением. Для постороннего этот страх использовать в литургии русский язык является абсурдом. Мы можем судить об этом по себе. Я просто процитирую известного священника, покойного Иоанна Петербургского, который однажды сказал: "Русский язык - это язык воров и проституток".

В-третьих, из-за такого рабского отношения к государству, консервативных позиций РПЦ существует значительный антагонизм между церковью и молодой интеллигенцией. Церковь делает капиталовложения не в людей, а в здания. Официальная православная иерархия все больше и больше работает в государственной церкви.

Аналогичное подчиненное положение православной церкви оказалось фатальным для РПЦ во время Октябрьской революции 1917 г. Марксисты были против самодержавия и против духовенства. Они критиковали и "прогнившее" государство, и "разложившуюся" церковь. Таким образом, большевистская идеология привнесла кредо марксистского бога. Соответственно, большевистская "религиозная идеология" развивалась как всеобъемлющая марксистская теория человеческой природы и мира, "наподобие религиозной", которая включала систему верований, отношений, норм и социальных практик, связанных с религией. Она стала светской религией, заменившей старую религию.

Наконец, есть также несколько редких исключений. Например, отец Георгий Кочетков, который работает в церковном приходе Встреч с иконой Владимирской божьей матери в Москве, пользуется родным языком русских в литургии и катехизисном учении. Его приход чрезвычайно популярен, и он основал свой собственный "университет" для людей, которые интересуются православной теологией. Возможно, "зеленое" русское гражданское общество также нуждается в такого рода людях, которые задают темп.

Использованная литература

1. W. Kolarz. Religion in the Soviet Union. MacMillan. London, 1961, pp. 480-483.
2. Arto Luukanen. The Religious Policy of the Bolshevik Party, 1917-1929 // Studia Historica 48. Helsinki. 1994. Pp. 230-238.

3. Алексеев Валерий Аркадьевич. Иллюзии и догмы. Издательство политической литературы. Москва. 1991.
4. Sabrina Petra Ramet. Religious Policy in the Era of Gorbachev. In Sabrina Petra Ramet (ed.) Religious Policy in the Soviet Union. Cambridge University Press. Cambridge. 1993.
5. Raymond Oppenheim. Are the Furov's Reports Authentic? In Geoffrey Hoskin (ed.) Church, Nation and State in Russia and Ukraine. MacMillan in Association with SSEES. London. Pp 291-311.